

УДК 340.1
doi:10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).04

Антропология права: предмет, метод и значение для юридической науки

Максим Александрович Истомин

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия, mistomin1997@gmail.com

Аннотация. В работе рассмотрены предмет и метод антропологии права – достаточно нового исследовательского направления в отечественной юридической науке. Предпринята попытка обозначить комплексный предмет антропологии права и его особое место в системе гуманитарного знания. Автором также проведена работа по установлению методологических связей между теорией права и антропологией, результаты которой указывают не только на возможность взаимной интеграции двух наук, но и на такую необходимость для более полного познания права, выступающего многоаспектным явлением. Особое внимание автор уделяет роли и значению антропологии права для развития юридической науки, переориентации ее на человека как центральное звено правовой системы, а также указывает на значительный гуманитарный потенциал данного направления исследования.

Ключевые слова: юридическая наука, юридическая антропология, антропология права, предмет, метод

Для цитирования: Истомин М. А. Антропология права: предмет, метод и значение для юридической науки // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 3 (38). – С. 48–58. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).04.

Anthropology of Law: Subject, Method and Significance for Legal Science

Maksim A. Istomin

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia, mistomin1997@gmail.com

Abstract. The paper considers the subject and method of anthropology of law - a fairly new research direction in domestic legal science. The author makes an attempt to designate the complex subject of the anthropology of law and to designate its special place in the system of the humanitarian knowledge. The author also carried out work to establish methodological links between the theory of law and anthropology, the results of which indicate not only the possibility of mutual integration of the two sciences, but also such a need for a more complete knowledge of law, which is a multidimensional phenomenon. The author pays special attention to the role and importance of the anthropology of law for the development of legal science, its reorientation to the person as the central link of the legal system, and also points to the significant humanitarian potential of this area of research.

Keywords: legal science, legal anthropology, anthropology of law, subject, method

В большинстве концепций правопонимания право рассматривается сквозь призму философских категорий и теоретических конструкций, связанных, чаще всего, с познанием внешней формы его проявления. В то же время право, как творение человека, представляющего собой целый комплекс биологических, психологиче-

ских, социальных, экономических, интеллектуальных и иных факторов, не может быть полностью познано из своей внешней оболочки, а требует осознания своей природы из сути самого человека.

Все это указывает на необходимость применения комплексного и вариативного подхода к исследованию правовых явлений, которые не всегда связаны сугубо с «чистыми» правовыми конструкциями, а зачастую имеют глубокие неюридические причины своего существования. Так, для решения проблемы привлечения к ответственности лица с психическим расстройством юриспруденция вынуждена обратиться к психиатрии. При решении вопроса о возмещении ущерба в соответствии с рыночной стоимостью – к экономике. И точно так же, если мы хотим понять право во всем его комплексе (историческом, биологическом, интеллектуальном и ином), желаем увидеть в нем продукт непрерывного творения человека и его отражение, нам стоит обратиться к науке о человеке, изучающей его во всей совокупности необъятных граней – антропологии.

Антропология как наука, занимающаяся изучением человека, его происхождением, развития, существования в природной и культурной среде [4, с. 16], для современной юриспруденции олицетворяет светоч, ведущий ее к давно потерянному, но самому сокровенному месту самой себя – к человеку. Это та точка, от которой следует отталкиваться при решении наиболее важных (а возможно, и большинства) правовых вопросов. Ведь именно человек является исконным творцом права – как в узком, так и в самом широком смысле.

И право, ощущая свои гуманитарные истоки, обратилось к антропологии, найдя в ней неиссякаемый источник вдохновения для собственной рефлексии и развития. Если право создано человеком и служит его интересам, то что может быть для него важнее, нежели сам человек? Все вышесказанное обусловило интерес юристов к антропологии, который ознаменовался созданием такого научного направления, как юридическая антропология (или антропология права).

Антропология права в России является достаточно молодым направлением (как и во всем мире, если сравнивать, например, с наукой гражданского права). Большая часть материалов, содержащихся в трудах антропологов, еще не систематизирована даже в редкой специальной (с юридическим уклоном) литературе, не говоря уже о специальной теоретической проработке. Поэтому наиболее целесообразно, в рамках антропологии права, начать рассуждение с основных положений любой науки – ее предмета и метода.

Как указывает А. И. Ковлер, юридическая антропология «изучает процессы юридизации, свойственные каждому историческому типу цивилизации, и стремится выявить закономерности, которые лежат в основе социального и правового бытия» [11, с. 23]. Следовательно, предметом антропологии выступает становление «человека юридического» [9, с. 61], причем не только применительно к древним обществам, но и к современным. С одной стороны, предмет выглядит очень пространственным – кажется, что он охватывает всю правовую действительность. В этом ученые видят немалый минус данного научного направления, указывая на незавершенность процесса формирования предмета юридической антропологии [5, с. 27]. С другой стороны, именно такая широта предмета и комплексность подхода необходимы для того, чтобы понять «человека юридического» во всей совокупности его граней.

Сама по себе антропология является комплексной наукой, которая ставит в центр своего исследования человека и «интегрирует вокруг него знания из других дисциплин: экологии, биологии, медицины, социологии, культурологии, психологии, этнографии, лингвистики» [4, с. 15]. Это обусловлено, в первую очередь, непосредственным объектом исследования – человеком, который олицетворяет со-

бой единство всевозможных черт. Юридическая антропология (как и политическая, культурная, социальная и иная) появилась в результате членения единого объекта антропологии, необъятного для юриспруденции вообще как направления исследования (то, что рождением антропология права обязана именно антропологии, а не теории права, убедительно доказывает история ее развития, о чем будет сказано отдельно).

Для того чтобы понять синтетический предмет юридической антропологии как комплекса антропологического и юридического предмета, необходимо найти точки их соприкосновения. Характеристика предмета исследований антропологии сводится к происхождению, развитию и существованию человека вообще. Что же касается юридической науки, то она «возникла, развивалась и развивается как юриспруденция, предмет которой – понятие права и соответствующее правовое понятие государства» [13, с. 6]. Следовательно, предметом юридической науки в самом широком смысле этого слова выступают «общие закономерности возникновения, развития, назначения и функционирования» [19, с. 7] права и государства (именно как *правовых институтов*).

Исходя из приведенных характеристик, можно выделить следующие точки соприкосновения. Во-первых, оба предмета исследуются науками рефлексивно, в процессе непрерывного диалектического развития. Во-вторых, объектом обеих наук выступает человек, в первом случае напрямую, во втором – опосредованно. Мы говорим «опосредованно», потому что юридическая наука изучает право как объективную реальность (С. С. Алексеев), как «чистое учение о праве» (Г. Кельзен), то есть как некую трансцендентную конструкцию, стоящую над человеком. Однако творцом права является человек, оно не развивается в отрыве от него, а лишь благодаря ему, благодаря эволюции его разума, эмоций, потребностей и возможностей.

В этом и заключается ключевая особенность предмета юридической антропологии как нового научного направления – рассмотрение возникновения, развития и существования правовых явлений как отражения возникновения, развития и существования самого человека (и, что самое главное, поиск связей и закономерностей между объектом и его отражением). Такой подход в итоге переориентирует юридическую науку на причину самих правовых явлений – человека, и в этом заключается основная заслуга антропологии права. В таком случае, например, права человека уже не воспринимаются как октроированные государством, а находят свою почву в многоаспектной природе человека (и в этом смысле антропологию права можно отнести к естественно-правовым направлениям).

В широком смысле назначение антропологии права состоит в том, чтобы понять онтологию и генезис права с ориентацией на человека как первичного носителя права. Но чтобы это сделать, необходимо познать также и самого человека как комплекс биологических, социальных, психологических и иных качеств, то есть заимствовать предмет и метод антропологии для познаний правовых явлений как творений развивающегося человека. Следовательно, юридическая антропология должна задаваться не столько вопросом об объективной стороне правовой реальности, сколько о субъективной. Ей необходимо рассматривать не столько последствия, готовый результат в виде правовых конструкций, сколько искать причины этих явлений в факторах бытия человека, так как ответ на вопрос «Что такое право?» найдется сам собой, если будет выяснено, какие механизмы бытия человека являлись катализаторами его создания. Нельзя понять следствие, не осознав причин. Как отмечает О. А. Пучков, «юридическая антропология изучает право как проблему человека. Это... самый главный аспект нового научного направления» [17, с. 90].

Подведем краткий итог. Синтез юридической и антропологической наук обусловил комплексный предмет исследования в рамках юридической антропологии.

С одной стороны, данная наука должна учитывать многогранность объекта исследования – человека юридического во всех его аспектах; с другой стороны, она должна осуществлять это, в первую очередь, сквозь призму достижений правовой науки. Под предметом же юридической антропологии следует понимать возникновение, развитие и существование права и государства как отражения возникновения, развития и существования человека во всем его многообразии (биологическом, психологическом, социальном, культурном и прочих).

При этом наиболее целесообразным представляется построение исследований в рамках данного предмета сообразно с существующей структурой юридической науки, чтобы, во-первых, систематизировать огромный антропологический массив информации в соответствии с потребностями права. Во-вторых, выстроить общий понятийный аппарат на основе уже существующих в теории права категорий. В-третьих, чтобы не допустить «размывания» предмета исследований в области юридической антропологии, а строго подчинить его потребностям права. Однако все указанные стремления должны быть направлены на единую глобальную цель – создание полной антропологической теории правопонимания, охватывающей весь комплекс юридических конструкций и объясняющей причины их существования, исходя из биологических, психологических, социальных и иных предпосылок. В какой-то мере речь идет о создании полноценной синтетической (интегративной) теории права.

Особое значение в этом смысле приобретают специфические методы юридической антропологии, так как в любой науке методы исследования определяются, в первую очередь, объектом (и, более конкретно, предметом) ее исследования. Так как юридическая антропология обладает комплексным предметом, сочетающим предметы исследования юриспруденции и антропологии (которые сами по себе во многом соприкасаются), то и методологией она обладает комплексной.

Можно выделить несколько особых методов и принципов антропологии как таковой. В первую очередь, главной особенностью антропологических исследований является принцип *отказа от шаблонов* в познании социальных явлений. Чтобы познать какое-либо общество так, как оно мыслит само себя, исследователю необходимо отказаться от уже имеющихся представлений о своем собственном обществе. Данный подход приводит к необходимому осознанию плюрализма в отношении иных культур и признанию их права на отличия.

Другой особенностью антропологической методологии является применение *метода включенного наблюдения*, когда ученый исследует конкретный социум посредством погружения в среду его обитания, реального прикосновения к быту и условиям жизни людей, которых он изучает. В каком-то смысле ученый на определенное время сам становится представителем данного общества, старается понять его изнутри (именно эту способность по своему глубокому убеждению Б. Малиновский считал определяющей в работе антрополога). При этом необходимо в данном случае учитывать указанный выше метод отказа от шаблонов, позволив человеку проявить себя во всех своих индивидуальных особенностях.

Только при сочетании указанных приемов можно говорить о возможности относительно достоверного познания изучаемого общества, так как одной из самых распространенных проблем познания традиционных культур является применение категорий (а поэтому и моделей мышления, поведения), разработанных в рамках современной науки и принятых определенным обществом, обладающим совершенно иным мировоззрением. В результате возникает диссонанс: исследуемые объекты понимаются совершенно не так, как они представлялись их исконными носителями [7].

Проводя свои исследования, антрополог *обращает внимание на всю совокупность явлений, окружающих конкретный социум*, – территорию проживания, при-

родные условия, язык, мифологию, социальную организацию – словом, всё, что позволяет создать целостную картину мировоззрения (в том числе правового) представителей данного общества. При этом в рамках такого подхода изучаются не только идеальные источники, но и материальные, в частности предметы быта, культура, символы власти и многое другое.

Для юриста-антрополога, однако, наиболее важны те факторы, которые могут помочь ему познать социальные регуляторы. К главнейшим из них относятся табу, мифы и легенды, тотемы, пословицы и сказки, имена и прочее [11, с. 30–31]. Но исследуются также материальные носители, в которых, так или иначе, могут быть проявлены элементы социального регулирования. В данном случае может использоваться всё – материальные формы искусства (по которым можно судить, например, о наличии социальной иерархии, обычаев или традиций), предметы и символы власти (украшения, отличительные знаки и пр.), процесс захоронения (например, наличие социального неравенства или классового расслоения) или вступления в брак, а также многое другое.

В то же время, помимо указанных методов и приемов, которые можно обозначить в качестве базовых, в антропологии сформировалось множество научных направлений и, соответственно, методологий, что обеспечило существенный исследовательский плюрализм. Самыми примечательными из таких направлений для юридической антропологии являются эволюционизм, дифференциальный эволюционизм (неэволюционизм), функционализм и структурализм. Кратко охарактеризуем эти направления и присущие им методы, наложившие немалый отпечаток и на юридическую антропологию.

Направление *эволюционизма* основано на представлении «о поступательном процессе развития (эволюции) человеческого общества от низших форм к высшим» [16, с. 208] и предполагает «тождество исторических путей развития» [Там же]. Так, именно в рамках эволюционизма заговорили о единых для общества законах развития. Однако сложность поиска таких законов, огромное количество эмпирического материала и нелинейность развития заставили ученых выдвинуть идею о *дифференциальной эволюции (неэволюционизм)*. Смысл в данном случае угадывается в самом понятии и предполагает наличие различных путей развития общества (а потому и права) в зависимости от имеющихся различных естественных предпосылок. Словом, при наличии различных факторов отдельные общества выстраивали различные системы, однако законы развития самих этих систем схожи.

Ярким примером применения указанных методологий является построение формационного подхода к государству и праву представителями марксизма. Выявив общие закономерности развития обществ от первобытно-общинной к коммунистической формации (в рамках однолинейного эволюционизма), К. Марксу и Ф. Энгельсу пришлось признать наличие «исключений» в данной системе, когда, в частности, речь идет об азиатском способе производства, формирование которого, кстати говоря, основано на особых природных условиях. К тому же авторы признавали возможности различных отклонений и в рамках общей модели (например, различная длительность нахождения общества в рамках определенной формации, различные формы одной и той же формации в разных странах), что указывает на применение методологии уже не в рамках однолинейного, а в рамках дифференциального эволюционизма (неэволюционизма).

Одним из главных достижений неэволюционизма для антропологии права является, как отмечает Н. Рулан, признание возможности существования совершенно различных обществ, наличие которых, однако, «не запрещает искать общие законы путем сравнительных методов» [18, с. 42]. К вопросу о наличии в правовой материи единых законов развития со всей серьезностью подходил С. С. Алексеев, указывая

не только на наличие внутренней логики права [3], но и на конкретные результаты функционирования этой логики, выражающейся в процессах правовой конвергенции [1], в рамках которых разные общества решали одни и те же юридические проблемы единым образом (опять же, в данном случае ясно прослеживается связь однолинейного и дифференциального эволюционизма).

Далее перейдем к *функционализму*, основные положения которого были разработаны известным антропологом Б. Малиновским. Ключевые идеи функционализма сводятся к пониманию общества как системы, элементы которой тесным образом связаны между собой. Каждый из этих элементов выполняет определенную функцию, позволяющую обществу существовать. При этом бытие самого социума осуществляется посредством образования сложных структур, состоящих, в свою очередь, из более простых элементов, которые «выводятся из физиологических потребностей человека, трансформированных присущей данному обществу системой культурных норм и правил» [15, с. 658]. Однако, как отмечает Н. Рулан, концепция общества как системы, построенная Б. Малиновским, приводит его к заключению, что право зависит не только от биологических факторов (хотя первичность их не может быть оспорена), но и от культурных [18, с. 43].

Такая трактовка идей рассматриваемого направления сильно напоминает подход к системе права, которая формируется по принципу построения более сложных правовых конструкций на основе более простых. Так, норма права (где важна цель ее принятия) выступает первичным звеном, которое служит основой для построения институтов права, а они, в свою очередь, создают основу уже для формирования отраслей права.

Указанное сравнение системности общества в воззрениях Б. Малиновского и системности права объединяет также и тот факт, что любая подобная система строится на основе какого-либо базового элемента (параллель «потребности-нормы права»). При этом базовые элементы, лежащие в основе строения социума, и базовые элементы, лежащие в основе права, олицетворяют, по сути, одно и то же, так как право является отражением развития человека и его социальных структур.

Следующее интересующее нас в рамках антропологии направление носит наименование *структурализма*. Будучи разработано известным антропологом XX века К. Леви-Стросом, оно получило широкое распространение. Основные положения структурализма сводятся к наличию «бессознательных и неизменных для человека, коренящихся в биологии мозга и соответственно имеющих наследственную природу ментальных структурах» [6, с. 120]. Данные структуры проявляются в построении человеком различных мыслительных конструкций – мифов, правил поведения, языков и всего, что связано с его умственной деятельностью. Таким образом, в основе построения различных социальных общностей мы можем выявить эти ментальные структуры, определяющие развитие человека (и права как продукта деятельности его сознания). Именно это открывает универсальный ключ к познанию любых культур и их проявлений.

Подобные идеи находят явные параллели с представлением И. Канта об априоризмах – доопытных познавательных способностях человека, являющихся «резервуаром» для наполнения его опытным содержанием. Как отмечает И. Кант, «познаниями а priori мы будем называть только те, которые безусловно независимы от всякого... опыта» [8]. Такие априоризмы выступают некоторыми универсалиями, благодаря которым разные люди независимо друг от друга при наличии одних и тех же оснований могут прийти к одним и тем же выводам.

Будучи философом по образованию, К. Леви-Строс, как видно, активно использовал разработанную в рамках наиболее передовых философских теорий методологию применительно к антропологии. В частности, учение И. Канта. Рассматривая

социальную организацию как продукт трансцендентальной деятельности человека, он указал на подчиненность всех социальных явлений законам построения человеческого разума, что в полной мере применимо не только к изучаемым им родственным отношениям или мифам, но и к праву, которое и сам И. Кант определял в плоскости трансцендентального.

Из приведенных выше характеристик антропологических методологий и примеров корреляции их достижений с юридической наукой можно сделать следующие выводы. Во-первых, даже сами по себе независимые, на первый взгляд, предметы исследования в данном случае тесным образом пересекаются. Если некоторые ученые-антропологи и не занимались специально правовыми исследованиями, то их выводы тесно связаны с социальными конструкциями, универсальными траекториями их развития. К таким конструкциям относится, в частности, и право.

Ярким примером антропологической мысли в рамках юриспруденции является, например, утверждение С. С. Алексеева о том, что табу выступает исторически первой формой правовой нормы [2], или о том, что корни права необходимо искать в биосоциальных основаниях человека [3, с. 431]. Что примечательно, подобные выводы ученый делает, исходя из исследований в рамках аналитической юриспруденции, занимающейся, по большей части, изучением «чистых» правовых конструкций. Таким образом, антропология исходит в данном случае из познания содержания объекта, а юриспруденция – из внешней формы его проявления (параллель человек – право).

Из вышесказанного следует еще один вывод: антропология и юриспруденция приходят к схожим результатам по определенным вопросам не только по причине пересечения сфер их предметов, но и потому, что в отношении познания последних используют схожие общефилософские и общенаучные методы. В свою очередь, схожесть общенаучных и общефилософских методов в сочетании с предметным пересечением влечет построение и схожих специально-научных методов, что не только делает возможной взаимную интеграцию указанных наук, но и указывает на их родство как наук, постигающих трансцендентные явления. В рамках указанного тезиса следует привести конкретные примеры.

В частности, в качестве специальных принципов методологии теории права в настоящее время выделяют [14, с. 22]:

- принцип историзма (осмысление права как развивающегося на протяжении времени понятия);
- принцип объективности (сведение к минимуму влияния субъективных факторов, способных исказить полученные результаты исследования);
- принцип универсализма (направленный на выявление общих путей развития права);
- принцип открытости (на основе плюрализма, подразумевающего проведение исследований с различных мировоззренческих точек зрения, теоретических концепций не только одним ученым, но и всем ученым сообществом в целом).

Как видно, эти принципы коррелируются с основными постулатами антропологических исследований. В частности, принцип историзма соотносится с позицией эволюционизма, воспринимающего человека и общество как явление развивающееся. Принцип универсализма, «обеспечивающий возможность изучения конкретных государственных и правовых систем, их семей, групп и в то же время выявления общих для всех, глобальных закономерностей развития» [14, с. 22], практически полностью дублирует положение неэволюционизма, характеризуемое Н. Руланом следующим образом: «Невозможно отрицать, что все общества изменяются, что они воспринимают или отвергают перемены, что формы этих перемен различны,

что они не следуют одна строго за другой, что эти различия не запрещают искать общие законы путем сравнительных методов» [18, с. 42].

Принцип открытости (плюрализма) заслуживает особого внимания, так как именно он является одним из ключевых моментов в антропологии. Право, как и человека, можно познать объективно (принцип объективности) только в том случае, если исследователь сможет избавиться от различного рода клише, мешающих ему познать объект более достоверно. Это особенно важно в изучении трансцендентальных построений человека, таких как язык, миф или право. Невозможно понять иную культуру, пытаясь познать ее через выстроенные на другом культурном уровне рамки. В таких случаях необходимо искать контакт на основе схожих для любого человека механизмов, то есть а priori являющихся дружественным актом (например, акт дарения ценностей).

Если говорить непосредственно о специально-юридических методах исследования, то основными из них являются [14, с. 23]:

- метод сравнительного правоведения (анализ с целью выделения единых законов развития, поиск сходств и различий, создание классификаций);
- технико-юридический метод (познание внутренней логики права, присущих только ему конструкций);
- метод толкования правовых норм (совокупность приемов, направленная на выявление смысла правовых норм);
- формально-юридический метод (познание внешних форм выражения права, присущих ему как особенному социальному явлению).

Сравнительный метод для юриспруденции означает то же, что и для антропологии. Основная работа всех антропологических школ, перечисленных выше, выстраивалась на сравнении структур различных социумов, их мифологии, социальной организации и правил поведения в целях поиска общих закономерностей развития. Ярким примером применения сравнительного метода в антропологии является многотомный труд Дж. Фрэзера «Золотая ветвь: исследование магии и религии», содержащий анализ множества мифологем, собранных в рамках исследования обществ разных культурных и исторических периодов. Для юриспруденции значение сравнительного метода настолько же велико, насколько и для антропологии.

Применение технико-юридического и формально-юридических методов в юриспруденции обусловлены специальным предметом – правом как объективированной реальностью, обладающей совершенно особенной формой выражения и своими законами внутреннего развития. Однако само по себе познание внешней формы и логики развития может относиться к любому познаваемому объекту. В антропологии ярким примером применения схожих методов может служить, в первую очередь, исследование мифологии, которой посвящено чуть ли не подавляющее количество литературы в рамках данной науки. Что представляет собой миф как *отличное от других* явление (в рамках формально-юридического подхода можно задать тот же вопрос применительно к праву) и по каким законам он *развивается* (тот же вопрос задает себе юриспруденция в рамках применения технико-юридического метода)? Такое явное сходство обусловлено тем, что миф и право выступают явлениями одного порядка (что не свидетельствует, однако, об их содержательном тождестве), представляются творениями человеческого разума, основанного на единых для всех ментальных конструкциях. А познание схожих по своей внутренней логике предметов ведет к применению общих методов их познания. Именно поэтому миф должен являться одним из основных объектов исследования не только антрополога, но и юриста, так как сложные формы могут быть познаны на основе более простых.

Метод толкования, в силу упомянутых выше сходств права с мифом, также применяется и в антропологии. При этом, как и в случае с правом, понимание смысла

мифа определяет его основное назначение. Так, различные мифы, в представлении Б. Малиновского, объясняют назначение существующих в традиционном обществе правил поведения [12], обеспечивают их идеологическое сопровождение.

Таким образом, посредством сравнения методологической базы юридической и антропологической наук можно еще раз подтвердить сделанный ранее вывод. Хотя данные науки и развивались относительно независимо друг от друга, объект и предметы их познания тесно взаимосвязаны. Человек и право как объекты, соответственно, антропологической и юридической наук неотделимы друг от друга и применительно к антропологии права выступают в рамках категорий содержания (человек как основной носитель и творец права) и формы (право как одна из внешних форм проявлений развития человека).

Следовательно, антропология права как комплексное направление исследования сложного, многогранного объекта (человека «юридического») подразумевает и комплексную методологическую базу. На примере сравнения руководящих принципов антропологии и юриспруденции и их общефилософских начал как наук, постигающих тайны разума человека, можно прийти к выводу о схожести этих начал, которые, в свою очередь, обуславливают построение и схожих специальных методов.

Все это указывает не только на *возможность* взаимной интеграции методологий в рамках антропологии права как самостоятельной области исследования, но и на *необходимость* такой интеграции. В этом смысле антропология права не является искусственным образованием. История ее развития показывает, что, так или иначе, и антропология, и юриспруденция использовали результаты деятельности друг друга. Накопленный в рамках антропологии эмпирический (в первую очередь – юридический) материал потребовал его осмысления посредством специальной юридической методологии. Юриспруденция же, наоборот, требует расширения предмета своего исследования, так как возможности существующей юридической догмы существенно ограничены и ставят ее в тупик, особенно когда речь заходит о вещах, требующих объяснения, не выводимого из анализа специальных юридических конструкций.

Более того, сама юридическая наука пришла к выводу о необходимости комплексного взгляда на свой объект исследования, которого придерживается и антропология. Так, еще дореволюционным ученым Б. А. Кистяковским была выдвинута мысль о том, что «право есть и государственно-организационное, и социальное, и психологическое, и нормативное явление...» [10, с. 320], а само по себе познание права невозможно без осмысления его сквозь призму различных социальных наук.

В конце XX века в юридической науке также можно было встретить схожую точку зрения. Например, Е. Н. Черных и А. Б. Венгеров утверждали, что можно говорить «о шести нормативных регуляторах: 1. Биолого-психологическом; 2. Брачно-семейном; 3. Корпоративно-групповом; 4. Мифолого-религиозном; 5. Правовом; 6. Моральном» [20, с. 25], признавая первичным нормативным регулятором биолого-психологический (что показывает явное сходство с позицией антрополога Б. Малиновского, ставящего в основу социальной организации первичные потребности человека).

Подобные воззрения нашли отражение и непосредственно в догме права. Так, профессор В. Д. Перевалов, говоря о факторах возникновения нормы права, выделяет пять аспектов [19, с. 274–275]:

– *биологический*, указывающий на «природную обусловленность правовой нормы» [19, с. 274];

– *психологический*, основанный на эмоциях и чувствах человека;

– *социальный*, исходящий из понимания человека как существа общественного, взаимодействующего с другими себе подобными и вынужденного это взаимодействие упорядочивать;

– *интеллектуально-идеологический*, связывающий творение права, в первую очередь, с мыслительной деятельностью человека;

– *специально-юридический*, в рамках которого право расценивается как явление, имеющее отличную от других (от морали, обычая) форму. Речь в данном случае идет о позитивном аспекте права как системы формально-определенных норм, установленных государством.

Рассматривая данную классификацию, следует обратить внимание на тот факт, что позитивному аспекту права, его формальной стороне уделяется крайне мало внимания (что, в принципе, для догмы права не свойственно). В данном случае четыре из пяти аспектов указывают на глубинный характер правовых норм, связанный со свойствами человека, а не непосредственно правовой материи как объективированной реальности, то есть на совокупность факторов, обозначенных в данной работе как предмет антропологии права. Это позволяет судить о стремлении юридической науки понять человека в качестве центрального звена, понять право не как уже сформированную в рамках догмы совокупность логических конструкций, а выделить их глубинные основания, связанные с бытием самого человека. Но собственными методами она этого сделать не может.

Антропология права позволяет увидеть юридический мир другими глазами – не глазами позитивиста или нормативиста, описывающего право сквозь призму формально-логической конструкции, а глазами *человека*, живущего правом и создающего его не актом позитивного законотворчества, а всей своей жизнью. Антропологический подход открывает то окно, через которое юристы смогут увидеть право в том виде, в котором оно появилось, – без политики, теоретических и философских инспираций. Они увидят картину, где есть только право и человек.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно констатировать следующее.

Во-первых, под предметом антропологии права следует понимать возникновение, развитие и существование права и государства как отражения возникновения, развития и существования человека во всем его многообразии (биологическом, психологическом, социальном, культурном и ином).

Во-вторых, предмет антропологии права носит комплексный характер и требует комплексного подхода, выражающегося в синергии специальных антропологических и юридических методов.

В-третьих, методы антропологии и юридической науки на протяжении своей истории развивались параллельно и взаимосвязанно, следуя за общим ходом развития мировой науки и ее методов.

В-четвертых, огромный массив эмпирических данных, накопленных антропологами, позволит более полно и ясно понять процесс зарождения права и его дальнейшей эволюции.

В-пятых, использование антропологических методов в юридической науке позволит сконцентрироваться не на формальных юридических конструкциях, а на объективных условиях правогенеза, восходящих к биологическим, социальным, интеллектуальным и иным качествам человека, что придаст ему статус центрального элемента во всей правовой материи.

Таким образом, антропология права является перспективным направлением исследования в рамках юридической науки и содержит огромный гуманитарный потенциал, а потому требует детальной теоретической проработки и решения стоящих перед ней проблем.

Список источников

1. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития надежда и драма современной эпохи. – М. : Статут, 2000. – 256 с.
2. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. 1989 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. + [Справочный том]. – Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. – М. : Статут, 2019. – С. 1–225.
3. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М. : Статут, 1999. – 710 с.
4. Антропология : учебник и практикум для вузов / М. А. Козлова, А. И. Козлов. – М. : Юрайт, 2020. – 319 с.
5. Архипов С. И. Современные проблемы юридической науки : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд. дом Уральского гос. юрид. ун-та, 2019. – 400 с.
6. Белик А. А. Леви-Строс // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов (пред.) [и др.] ; отв. ред. С. Л. Кравец. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2010. – Т. 17 : Лас-Тунас – Ломонос. – С. 120.
7. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – 349 с.
8. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
9. Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М. : Прогресс, 1986. – 352 с.
10. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1916. – 707 с.
11. Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. – Репр. изд. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 480 с.
12. Малиновский Б. Магия, наука и религия / пер. с англ. А. П. Хомика. – М. : Академический проект, 2015. – 298 с.
13. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 552 с.
14. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов . – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2021. – 341 с.
15. Попов В. А. Функционализм // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов (пред.) [и др.] ; отв. ред. С. Л. Кравец. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2017. – Т. 33 : Уланд – Хватцев. – С. 658.
16. Попов В. А. Эволюционизм // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов (пред.) [и др.] ; отв. ред. С. Л. Кравец. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2017. – Т. 35 : Шервуд – Яя. – С. 208.
17. Пучков О. А. Антропологическое постижение права : монография. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. – 384 с.
18. Рулан Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / пер. с фр. ; отв. ред. чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. В. С. Нерсисянц. – М. : Норма, 1999. – 310 с.
19. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М. : Норма–ИНФРА М, 1999. – 616 с.
20. Черных Е. Н., Венгеров А. Б. Структура нормативной системы в древнейших обществах (методологический аспект) // От доклассовых обществ к раннеклассовым : сборник статей / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – С. 23–37.

Информация об авторе

Максим Александрович Истомирин, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Maksim A. Istomin, postgraduate student in the field of Law, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 17.05.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 30.05.2022.